

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Юриной Екатерины Сергеевны на тему: «Античная литература как философский дискурс: идеи софистов в трагедиях Еврипида и комедиях Аристофана», представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03. – История философии

В диссертационном исследовании описывается и анализируется «интеллектуальный контекст» (с. 11) греческой культуры V в. до н.э. Основными героями описываемой культурной среды являются философы и драматурги, что естественным образом сосредотачивает исследование на прояснении обстоятельств взаимодействия философии и литературы (в широком смысле) в указанный период. За основное интеллектуальное содержание описываемой культурной среды автор принимает ряд идей, обсуждаемых софистами: соотношение имени и вещи, естественного и установленного законов, проблема бытия и кажимости, проблема двойственного логоса. Теперь, если окажется, что в драме эти философские идеи находят своё выражение (а в этом состоит основная гипотеза исследования), то останется только признать, что «единый интеллектуальный контекст» греческой культуры V в. до н.э. действительно существует, что его природа действительно может быть проанализирована при помощи названных софистических положений.

Актуальность историко-философского исследования, построенного вокруг гипотезы о едином контексте (или даже о единых корнях) философии и литературы, обусловлена, на наш взгляд, логикой развития науки в двух следующих смыслах. Во-первых, работа Е. С. Юриной сама попадает в «единый интеллектуальный контекст» философских и филологических исследований взаимодействия литературы и философии, которые проводятся как на классическом, так и на более широком материале. Назовём только по два представителя двух поколений предшественников нашего автора в его исследованиях этого вопроса: Т. В. Васильева и Н. В. Брагинская, Е. В. Алымова и О. А. Коваль. Во-вторых, на фоне возрастающего интереса ко Второй софистике наметился некоторый кризис интерпретаций и оценок роли этого явления в истории культуры. Так, Вторая софистика, будучи по преимуществу литературно-художественным явлением, подвергается, главным образом, филологическому анализу. Соотношение филологов и философов, занимающихся Второй софистикой примерно соответствует тому вкладу, который внесла последняя в историю литературы и историю философии. Это соотношение можно было бы считать справедливым, если бы какие-то вроде бы чисто филологические или даже искусствоведческие моменты в произведениях авторов Второй софистики не требовали бы глубокого знания философии. Например, вопрос о специфике софистической теории восприятия чрезвычайно важен в теории экфрасиса, но филолог и искусствовед не должны быть специалистами в этой философской области. С другой стороны, не может ли оказаться так, что Вторая софистика — это область просто ещё не открытая философами по-настоящему, а философский потенциал Второй софистики ещё попросту недооценён? На этом фоне исследовательский подход Е. С. Юриной представляется оптимальным: для него характерно равное внимание к литературе и философии. Этот подход, прекрасно, на наш взгляд, реализованный в рассматриваемом исследовании, ещё продемонстрирует свою актуальность и в исследовании Второй софистики.

Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, разделённых на параграфы, заключения, списка литературы и источников, включающего 133 пункта. Этот список, на наш взгляд, соответствует объекту исследования и кругу тех задач, которые в нём решаются. Во введении автор точно формулирует цели, задачи, актуальность, основные тезисы и методологию исследования, характеризует его источниковую базу, описывает историографию.

В первой главе — Проблема соотношения слов и вещей как философская задача — рассматриваются следующие вопросы. В первом параграфе — Генезис первой софистики и ее общественная функция — диссертант формулирует ключевые вопросы софистики (соотношение имени и вещи (τὸ ὄνομα и τὰ πράγματα); два логоса Протагора; вопросы естественного и установленного закона (νόμος κατὰ φύσιν и νόμος κατὰ θέσιν); логос Горгия; проблема «быть» и «казаться»), которые находят своё выражение и в сочинениях Еврипида и Аристофана и, таким образом, составляют некий «единый интеллектуальный контекст» (с. 21) греческой культуры соответствующего времени. Во втором параграфе — Λόγος Протагора: античные интерпретации и современные комментарии — автор анализирует фрагменты Протагора в контексте платоновских диалогов и в некоем «общекультурном» контексте (с. 23), который на данном этапе исследования просматривается ещё достаточно смутно. Однако, здесь Е.С. Юрина остроумно обращается к идее герменевтического круга, полагая, в частности, что фрагменты Протагора могут быть лучше поняты в общекультурном контексте и наоборот. Автор разбирает здесь два фрагмента Протагора: о двух логосах и о человеке как мере всех вещей (на с. 26, кстати, есть опечатка в переводе: «мерой всех людей является человек...»). Тот же круг используется для интерпретации и переинтерпретации нескольких Протагоровых фрагментов, рассматриваемых в параграфе. Вывод параграфа сосредоточен вокруг понимания τὰ πράγματα: «опыт восприятия вещей, которыми выступают τὰ πράγματα, всегда двойственен, соответственно, о каждой вещи существуют два противоположных логоса... Из двух логосов, существующих о τὰ πράγματα в одно единственное время и в одном месте, согласно категории отношения Аристотеля, для полного и корректного высказывания возможен только один», — пишет автор на с. 35. Трудно не согласиться с выводом, остаётся только неопределённость относительно τὰ χρίματα, о которых шла речь в первом фрагменте и интерпретация которых не была, на наш взгляд, доведена до совершенства Е. С. Юриной, как это у неё получилось с τὰ πράγματα.

Далее автор сопоставляет Протагорово положение о двух логосах с рядом Гераклитовых фрагментов, расширяя область своих рассуждений при помощи концепций меры и ритма, справедливости и несправедливости, жизни и смерти и пр., приходит к выводу о том, что Протагор совершает с логосом Гераклита что-то вроде, используя анахронизм, «антропологического поворота». «Средним термином» в рассуждениях диссертанта о переходе логоса космоса в логос человека является наличие в бытии некоего утверждающего это самое бытие ритма. Рассуждения Е. С. Юриной в этой части выглядят вполне убедительно, тем более, что автор активно подтверждает их ссылками на работы А. В. Ахутина, В. Йегера, М. Хайдеггера, других авторитетных авторов. Далее, сопоставляя анонимное сочинение «Двойные речи» и платоновский «Кратил», автор разбирает концепции об отношении слов и вещей. Далее речь идёт о проблеме соотношения природы и закона в софистике второй половины V в. до н. э. Здесь диссертант констатирует

расхождение среди софистов по этому вопросу. Пожалуй, ключевым параграфом в первой главе является пятый. Здесь автор, разобрав фрагменты Горгия (особенно удачно, на наш взгляд, – «Похвалу Елене»), сопоставляет интерпретации положений Протагора и Горгия. Приведём промежуточные выводы диссертанта: «Горгий впервые начинает говорить не просто о логосе как речи о чём-то, а о логосе как речи, конструирующей это что-то» (с. 59). «Горгий философски разрешает те проблемы, о которых писали поэты и трагики, – проблемы, связанные с неразрешимыми конфликтами существования» (с. 67). И «...поскольку сама реальность трагична, о ней либо существует два логоса Протагора, либо логос Горгия, который способен манипулировать ей» (с. 71). В заключительном параграфе первой главы Е. С. Юрина переходит к литературе следующим образом: «Показываясь, природа скрывает себя, скрываясь, показывает; на самом деле всегда и показывает, и скрывает одновременно. Отсюда и возникают два логоса Протагора о каждой вещи... Если снова вернуться к речи Горгия «Похвала Елене», то теперь становится понятно, как речь конституирует бытие, заставляет всё, о чём говорится, быть на самом деле таким, то есть соединять кажимость и бытие» (с. 77). Таким образом, дилемма «быть-казаться» становится в диссертации неким софистическим алиби литературы. Это представляется возможным, если воздержаться от стремления интерпретировать эту дилемму как «истинное-ложное», а также, добавим от себя, — «действительное-возможное». Представленное таким образом основание литературы (в самом широком, конечно, смысле) заслуживает и внимания и разработки.

Вторая глава – Еврипид полноправный участник философского разбирательства: трагедия и софистика на одной сцене – начинается параграфом, в котором формулируется вопрос: «Может ли литературный сюжет рассматриваться как философский дискурс?» (с. 84). Гипотеза автора на этот счёт выглядит, насколько мы поняли, следующим образом: «Такое было бы возможно, если бы сам литературный сюжет отражал или, лучше было бы сказать – подражал, тому, чем занимались философы, а именно – природе или φύσις, бытию» с. 84. На первый взгляд, это слабая гипотеза: во многих жанрах своей деятельности человек так или иначе подражает природе, значит, почти всякое его действие может рассматриваться как философский дискурс. В чём же тогда специфика родства литературы и философии? Далее автор пишет: «Представляется, что только в эпоху софистов подобного рода вопрос оказывается уместен, но не потому, что софисты открывают природу речи, конструирующей бытие, как это имеет место у Горгия, а потому, что они впервые подвергают саму речь рассмотрению, обнаруживая, что о бытии, согласно Протагору, возможно два логоса, противоположных друг другу» с. 84. Значит отгадка, или подтверждение гипотезы, — в софистическом открытии природы логоса? Значит ли это, что все софистические положения сводимы так или иначе к этому одному? Признаемся, логика рассуждений автора в этом параграфе не была нами до конца понята. Во втором параграфе второй главы автор показывает, что «миф-фабула Ифигении и миф-фабула Елены – разные, но мифы-сюжеты у них идентичны» (с. 86). По мысли автора трагедия об Ифигении «воспроизводит философскую проблему» соотношения естественного и установленного законов (с. 88), тезис Протагора о двух логосах (с. 88-89) (например, «Еврипид демонстрирует нам, как возможны два логоса и оба верных» с. 92), проблему соотношения имени и вещи (с. 90). Далее автор демонстрирует то, каким образом софистические положения становятся понятны «самой широкой публике» (с. 94). Те проблемы,

вокруг которых сформирован сюжет «Елены»: «это проблема бытия и кажимости, которая, в свою очередь, коррелирует с проблемой соотношения имени и вещи» (с. 107). Противоречие между природным и установленным законами, именем и вещью, двумя логосами «обыгрывается», по мысли диссертанта в «Ипполите» (п. 2.3). А для «Вакханок» существенной оказывается софистическая дихотомия «быть и казаться» (п. 2.5.). Задумываясь над этой трагедией, Е. С. Юрина пишет: «Не разумно ли будет предположить, что Еврипид, выступая и как философ, и как поэт, избирает образ Диониса не просто как бога и человека, а с помощью имени Диониса пишет манифест трагедии и, в сущности, поэзии?... Что если Еврипид пытается сказать, что единственное поле истины – сама драма или, выражаясь словами Аристотеля, σύνθεσις τῶν πραγμάτων (склад событий)?» (с. 139). И «Если софистика говорит о двойных логосах, а Горгий разрешает противоречие путём тезиса об автономии самой речи, то Еврипид становится на шаг ближе к Горгию: бытие – то, что изрекается со всеми его противоречиями, которые разрешаются с помощью расположения событий в одно целое, будь то драма или любая другая форма логоса» (с. 141).

В третьей главе — Аристофан как критик интеллектуальных тенденций своей эпохи — идёт речь о реализации софистических установок в творчестве великого комедиографа. В первом параграфе главы автор характеризует элемент интеллектуальной среды рассматриваемого времени, им оказывается «учёный зритель», «остроумный зритель» (с. 143-144). «Там, где Еврипид является интерпретатором реальности, Аристофан является интерпретатором метареальности, то есть драмы Еврипида» (с. 146), и задача остроумного зрителя состоит в том, чтобы безошибочно подбирать ключи к этим интерпретациям. Другим элементом интеллектуальной среды оказывается, разумеется, комедиограф, которого Е.С. Юрина понимает в качестве «интеллектуала, открывающего нам поле зрения на те или иные философские концепты и взгляды сквозь собственную интерпретацию» (с. 148). Здесь, в п. 3.2, автор отмечает в двух комедиях Аристофана – «Ахарняне» и «Женщины на празднике Фесмофорий» – как взаимную связь, основанную на переключке сюжетов, так и отсылки к трагедиям Еврипида. «Между Еврипидом и Аристофаном, – пишет диссертант, – был «поэтический диалог», каковой должен призвать κομῶδες θεατῆς думать самостоятельно» (с. 167). Кроме того, предполагает Е.С. Юрина, этот скрытый диалог недомолвок драматургов и отгадок зрителей мог лечь в основы нового жанра — платоновского диалога. В диссертации, правда, эта интересная догадка только анонсируется. В следующем, третьем, параграфе третьей главы сквозь призму философских дискуссий конца V в. до н. э. рассматривается комедия Аристофана «Лягушки». Автор находит в этой комедии отголоски всех рассматриваемых ранее софистических сюжетов, даёт свой ответ на вопрос о том, почему в комедии победа достаётся Эсхилу, а не Еврипиду. Наконец, что очень важно, Е. С. Юрина перечисляет минимальный набор элементов того «единого интеллектуального контекста», о котором речь идёт с начала диссертации и который, на наш взгляд, является объектом исследования. Так, комедии Аристофана «коррелируют по крайней мере с трагедиями Еврипида, философией софистов и драмой Платона» (с. 177). Учитывая, что присутствие первых двух элементов в творчестве Аристофана убедительно показано в диссертации, а третьего — не вызывает сомнений, можно считать этот вывод вполне обоснованным. В заключительном параграфе автор остроумно характеризует Аристофановы «Облака»: «Аристофан предлагает нам

новую трагикомедию: трагедии в ней столько, сколько в реальности амбивалентности, а комедии в ней столько, сколько эта амбивалентность позволяет манипулировать миром, путая «лучшее» с «худшим» (с.185-186). В заключении диссертации подводятся итоги исследования.

Характеризуя диссертацию в целом, необходимо отметить, что автор очень ясно и правильно сформулировал цель и задачи исследования, благодаря чему и структура работы стала оптимальной. Во введении были прекрасно сформулированы положения, выносимые на защиту, в ходе исследования все эти положения были прекрасно продемонстрированы. Работа Е. С. Юриной основана на полном (для решения её задач) круге источников, при их интерпретации автором была использована первоклассная литература по тематике исследования, в том числе и новейшая. Все поставленные задачи были решены. При проведении исследования Е. С. Юрина проявила себя в качестве смелого, самостоятельного учёного, знатока античной литературы и философии.

Разумеется, есть в работе отдельные недочёты, а к её автору некоторые вопросы и пожелания. Во-первых, на наш взгляд, на сс. 11-12 неточно описан объект исследования: перечисленные книги — это, скорее, источниковая база исследования, а объектом является интеллектуальная культура времени первой софистики, или «единый интеллектуальный контекст», в формулировке самой Е. С. Юриной.

Во-вторых, несмотря на то, что все ссылки, сделанные автором на источники и литературу, правильные и правильно оформлены, некоторые из них неудобны в использовании. Это касается ссылок на фрагменты досократиков, собранных во втором томе издания Дильса-Кранца. Приведём несколько примеров. Ссылка на фрагмент Протагора о двух логосах в тексте даётся по изданию Дильса-Кранца (DK 80A 1, 23-24), а в сноске — на издание Диогена (Diogenes Laertius. Lives of Eminent Philosophers: in 2 vol. London: William Heinemann, New York: G. P. Putnam's Sons, 1925. Vol. 2. R. D. Hicks. P. 466.) — см. сс. 24 и 237 диссертации. Ссылка на фрагмент Гераклита имеет вид «DK 30» вместо — «DK 22B 30». А иногда в тексте диссертации фрагмент Гераклита может быть привязан не к изданию DK, а к номеру страницы в русском издании Лебедева — с. 57. Фрагмент из Горгия отсылает к изданию DK, но не к номеру фрагмента, а к номеру страницы, что уже совсем неудобно — с. 62, с. 68, с. 72. Эта особенность научного аппарата диссертации вполне приемлема для историков философии и филологов-классиков, но может представить непреодолимую трудность для литературоведов и культурологов, которым, безусловно, тематика диссертации тоже покажется интересной.

В-третьих, вопрос: автор убедительно показывает наличие в трагедиях Еврипида и комедиях Аристофана всех софистических сюжетов. Из этого можно заключить, что софисты, Еврипид и Аристофан составляли некую единую интеллектуальную среду. Однако, как автор прокомментирует следующий факт: тезисы софистов, о которых идёт речь в диссертации, будучи по-настоящему философскими утверждениями, содержатся, на наш взгляд, в любом эпосе и в любой хорошей литературе. Е. С. Юрина сама приводит примеры такого рода из «Илиады» (с. 94-95 — про проблему «быть-казаться») и «Дона Кихота» (с. 144-145 — про принцип *simulatio / dissimulatio*, связанный с проблематикой двойственного логоса и той же проблемой «быть-казаться») в своей диссертации. Но если софистическая проблематика содержится в Илиаде и Доне Кихоте, то значит ли, что и эти памятники входят «в единый интеллектуальный контекст» с произведениями

аттических драматургов и философов? Если так, то в чём заключается специфика родства рассматриваемых в диссертации драматургов и философов?

В-четвёртых, ещё один вопрос: входили ли иные философы, кроме софистов, в «единый интеллектуальный контекст» греческой культуры V в. до н.э.? Если да (что очень вероятно), то каким образом: так же непосредственно, как и софисты, или опосредованным образом через софистические положения?

Вопросы, возникающие при знакомстве с диссертацией, свидетельствуют о её самом высоком качестве, а отдельные недочёты, в том числе и указанные нами, неизбежны в любой работе. Поэтому, составив для себя самое лестное мнение о диссертационном исследовании, мы приходим к следующему выводу. Диссертация Юриной Екатерины Сергеевны на тему: «Античная литература как философский дискурс: идеи софистов в трагедиях Еврипида и комедиях Аристофана» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения учёных степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Юрина Екатерина Сергеевна заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03. – История философии. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
Доктор философских наук
Профессор кафедры культурологии,
философии культуры и эстетики
Института философии СПбГУ

Маковецкий Е.А.

26 февраля 2020 года